

Солдат мира

Мысли по поводу нескольких стихотворений, написанных в Красноярске великим венгерским поэтом Гейзой Дьони

Около ста лет назад на кладбище для военнопленных в Красноярске был похоронен великий венгерский поэт Гейза Дьони (родился 25 июня 1884 года в Дьоне, Венгрия – умер 25 июня 1917 года в Красноярске, Россия). Его авторское имя – псевдоним, взятый им от названия его любимого родного села Дьон. Древний Дьон сегодня является частью маленького городка Дабаш, расположенного в пятидесяти километрах от Будапешта. Настоящее имя поэта – Гейза Ахим. Его отец – пастор лютеранской церкви, хотя и служил в селе Дьон – был родом из комитата Бекеш (район Большой Венгерской Степи), расположенного далеко от села. В юности поэт изучал теологию (богословие), но выбрал своей профессией журналистику. В 1914 году, когда разразилась Первая мировая война, он стал волонтером австро-венгерской армии. Уже в начале войны, в 1915 году, при штурме крепости Перемышль Гейза Дьони попал в плен русской армии. Поэту пришлось побывать в разных лагерях для военнопленных, прежде чем его отправили в лагерь Красноярска. Именно там Гейза Дьони написал свои известные стихи, сделавшие его великим, бессмертным поэтом военных лет.

Если прочтёте его биографию, то сразу обратите внимание на особенный факт: поэт умер в день своего рождения в возрасте тридцати трёх лет, как Христос. Кажется, что уже сам этот факт является знаком, символом человеческой самоотверженности.

Неслучайно, что его известные короткие письма-стихи из плена получили название «Письма с Голгофы». От какого-то предчувствия появилось это название и отразилось в читателях ассоциацией с судьбой Иисуса. Я говорю о предчувствии, ведь циклы стихов поэт начал писать в 1915 году, уже в Красноярске, и не он сам, а смерть окончила их летом 1917 года. Гейза Дьони сознательно создал это стихотворение-венок, что формально стало венком из военных открыток, похожих на те, что военнопленные пишут на далёкую родину своим любимым. Размер этих стихов – не более четырёх строк, которые свободно помещались на открытке. Сам венок состоит из двух частей. Первая часть, написанная поэтом в 1915 (или в 1916-м) году, состоит из тридцати трёх писем (опять ссылка на предчувствие, что это письмо Христа, хотя ни в 1915-м, ни в 1916 годах поэт не мог знать, что в 1917 году он умрёт в возрасте тридцати трёх лет). Во второй части поэт написал только семнадцать стихотворений-писем. Это чуть больше, чем половина первой части. Вместе две части составляют пятьдесят стихотворений. Помимо этого цикла стихов, в красноярском плену Гейза Дьони написал ещё около пятидесяти-шестидесяти стихотворений. Сейчас у меня нет возможности глубже и подробнее анализировать сибирские произведения поэта, хотя я с удивлением обнаружил параллель между стихами Гейзы Дьони и любимого мною с детства поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Конечно, в моих мечтах и планах – издание в Красноярске сибирских стихов Гейзы Дьони на русском языке в моём переводе. Считаю, что эти стихи, написанные в русском плену в период Первой мировой войны, являются частью русской литературы и истории. Сам поэт, знакомясь с классикой русской литературы, с уважением относился к ней. Он верил, что народ не виноват в развязывании кровавой бойни. Главное место в стихах Гейзы Дьони занимают большая венгерская «пуста» (степь) и безграничная русская степь. В объятиях двух степей обнимаются два народа – простые люди. Ещё

до начала войны в одном цикле стихов он писал: «Маленький жёлтый цветок/ Прислала нам безграничная русская степь... / Плакала скрипка, – И рыдали наши сердца от её всхлипов. // Маленький, жёлтый цветок... /Ах, сколько выплеснулось боли, / Пока звучала голосом скрипки в душах/ Наша венгерская мечта. // Маленький жёлтый цветок / Притягивал наши сердца друг к другу, / И обнимая нас, плакала с нами вместе / Сырая безграничная пустота». («Скрипка Лолы Теши» из цикла «Любовная жизнь 1909-1914 гг.» Перевод Арон Гаал, корректор Кселена Литвинова).

В самом начале войны, поддавшись военной пропаганде, Гейза Дьони воевал против русской армии, уверовав, что русские солдаты – враги его родины. Это был очень короткий период в жизни и в творчестве поэта. Он довольно быстро «очнулся от этих фальшивых сновидений» и начал писать о страданиях солдат и простого народа, ставших жертвами войны. В 1915 году, уже находясь в плену, в бессмертном цикле стихов «Письма с Голгофы» он пишет о степи Венгрии, и эти строчки удивительно перекликаются с написанными ещё в 1914 году строками стихотворения «Скрипка Лолы Теши». «Посвящается Богородице и нашим венгерским Мариям, чьи сердца не устают ни в надежде, ни в молении. Тем, на кого белым снегопадом спускаются благословляющие вздохи из Сибири». (Из цикла «Письма с Голгофы. Первая часть, 1915 г. (Перевод – Арон Гаал, корректор – Кселена Литвинова).

Трудно представить, сколько ещё сильных стихов смог бы написать поэт, умерший во цвете лет! Он нашёл успокоение в чужой земле, в неизвестной могиле, над которой не цветут посаженные с любовью цветы и не шепчут молитвы родные уста. Гейза Дьони провёл свои последние дни жизни в плену. Там завершилось его творчество, там погасла свеча его жизни. Он чувствовал, что такова его судьба, потому и написал для самого себя стихотворение-эпитафию, из строк которого можно ясно понять, что поэт всегда хотел мира на земле между народами, мира в душах людей. Его предостережение для потомков особенно актуально сегодня в нашем беспокойном мире: «Моя грустная могила порастёт ли травой, / Холм родной ли то будет иль чужая канава?... / Пусть на древе иссохшем надгробного памятника / Надпись стёртая станет посланием странникам // Знай, счастливый бродяга, бредущий в пыли, / За тебя принял муки спящий здесь, под землёю. / И хотя стал известным в битвах кровавых, / Он не более чем простой солдат Мира». («Стихотворная Эпитафия» из цикла «Тем, кто придёт после меня». Перевод Арон Гаал, корректор Кселена Литвинова).

Неизвестно, о чём думал поэт, когда ясно увидел, что последнюю точку в его творчестве поставит Смерть. Мы, его венгерские потомки, конечно, уже по-другому относимся к Первой мировой войне, которую раньше называли в Венгрии «Большая война». Никто и не мог подумать, что через двадцать лет разразится ещё более масштабная, более ужасная в своих жертвах Вторая мировая война.

Я вижу, что красноярские стихи Гейзы Дьони связывают две наши литературы и два народа друг с другом. Думаю, что эти стихи интересны и важны для сибирских литераторов, и я надеюсь, что перевод стихов Гейзы Дьони на русский язык поможет сделать творчество великого венгерского поэта доступным и понятным русским читателям.

В рамке публикации этих трёх стихотворений из известного цикла «Письма с Голгофы» хочу поближе познакомить русских читателей с творчеством поэта.

ТИШЕ...

(Из цикла «В рабстве» 1915–1917 гг.)

Живые, ходите тише!

Пойте вполголоса тихую песню!

Стоят тысячи надгробных плит

Над могилами на чужой земле.

Проливают слёзы тысячи невест,

И будут плакать они теперь вечно:

В далёких могилах беспробудно спят

Тысячи красивых женихов.

Девицы, соберите букеты на лугах,

Украйте ими могилы!

У вас больше нет женихов,

Некому вас нежно приглубить.

Все павшие были настоящими мужчинами,

О них слагают легенды....

И из их глазниц теперь глядит на нас зима....

Тише ходите, живые!

Перевод с венгерского на русский язык Арон Гаал

Корректор Кселена Литвинова

Псалмы в пустыне, 1916 г., Сибирь

СРЕДИ ПОДЛЕЦОВ

Давай, давай...! Это приказ!
Давай! Ступай по пути животных!
Безлюдная, бескрайняя пустота,
Бессолнечное, серое небо окружают меня!

«Ай, Голгофа ещё далеко?» —
Напрасно спрашиваю надсмотрщика.
Под своей ношей – погребальным крестом
Подгибаются мои утомлённые колени.

«Ай, Голгофа ещё далеко?»
Дай мне лишь каплю жидкости, хоть укус!»
Но только капли солёных слёз
Стекают в моё охрипшее горло...

«Среди подлецов навверх, на Голгофу,
Почему ты гонишь меня, Бог, мой Бог..?»
Ни звука! Как сама тайна молчит пустота...
А вороньё летает над безграничной степью.

*Перевод с русского на венгерский язык Арон Гаал
Корректор Кселена Литвинова*

ВДОВА ДОСТОЕВСКОГО

(из цикла «Кто провожал меня»)

«Скажите мне, Анна Григорьевна,
Когда он, бледный, входил в Вашу комнату
И слышал, как громко звучит за спиной
«Распятый!» из грязного рта сволочи...
Когда он склонял голову к Вашим коленям,
И его губы искали Ваши благословенные руки,
Что шептали Вам его страждущие губы,
Целовавшие крест святой правды?»

«Когда он до дна выпил горькое питьё из стакана,
Наполненного ядом человеческой глупости...
И под Вашими нежными пальцами
В последний раз дрогнули его чёрные ресницы,
Когда Вы тронули его безжизненное веко,
А очи ясно увидели самое дно чёрной глубины,
Когда его последний вздох проскользнул
рядом с Вами,
Благословениями или проклятиями
он осыпал мир?»

«Скажите мне, Анна Григорьевна...
Лишь этот секрет могу ли я узнать от Вас о Нём?»
Пожилая женщина присела на стул
в наступивших сумерках,
Как на картине, написанной старым художником.
Она присела и улыбнулась тихонько,
Как улыбались в древние времена верные жены,
Любившие страстно своих Мессий...
И тихо ответила Анна Григорьевна:
«Он всё понял и всем за всё простил».

*г. Красноярск, 1916 г.
Перевод с венгерского на русский язык Арон Гаал
Корректор Кселена Литвинова*

ЛИШЬ НА ОДНУ-ЕДИНСТВЕННУЮ НОЧЬ...

Пришлите их сюда однажды ночью...
Их, пристрастных, чванливых,
Их, объявляющих заносчиво: «Мы не забываем!»
Хотя бы однажды, на одну-единственную ночь...
Когда машина смерти играет свою музыку над головой,
Когда во мгле из невидимого свинцового семени рождаются
И летят во все стороны свинцовые убийцы-ласточки,

Пришлите их лишь на одну-единственную ночь...
Их, у кого чужие грехи перед очами, а свои за плечами,
Хотя бы на одну-единственную ночь,

Когда оглушительно режут гранаты,
И визжит окровавленная земля, словно ей вспарывают живот,
Когда разрывные пули становятся вдруг снопом лучей,
И кровавые волны старой Вислы выходят из берегов,

Пришлите их лишь на одну-единственную ночь...
Их, сберегающих каждую ростовщическую копейку,
Хотя бы на одну-единственную ночь,
Когда разрываются гранаты, и в раскалённом центре
Этого вулкана, как листья в листопаде, кружатся мужчины,
А когда падают на землю (какой страшный суд!),
Румяные хребты превращаются в обугленные скелеты,

Пришлите сюда лишь на одну-единственную ночь
Всех безбожников, всех спекулянтов, всех торгашей,
Хотя бы на одну-единственную ночь,
Когда открыто горячее устье сернистого Ада,
И кровь поливает луга, и кровь капает с деревьев...
Когда палатка становится тряпкой, терзаемой ветром,
И умирающий солдат вздыхает: «Сынок..., жёнка...»,

Пришлите их сюда лишь на одну-единственную ночь...
Их, которые лают, как хитрые собаки, пока родина в опасности,
Хотя бы на одну-единственную ночь,
Когда шрапнель падает, как ослепительные кометы.
Чтобы при этом свете увидели они своё отражение в реке Сана,
Где кровь венгерских солдат смешивается с речной водой,
Чтобы они, рыдая, закричали в Небо: «Боже мой! Хватит!»

Лишь на одну-единственную ночь пришлите их сюда,
Пусть вспомнят они ещё и о родовых болях своих матерей...
Хотя бы одной-единственной ночью
Пусть прижимаются один к другому, дрожа от холода и страха,
Пусть падают на поле, повторяя „mea culpa”¹,
Пусть рвут на себе рубаху, бьют себя в грудь.
Пусть кричат в Небо: «Что ещё ты хочешь от меня, Христос?!»

«Христос мой, что хочешь ещё от меня?! Родные мои,
Что вы ждёте от меня, что мне сделать в обмен за вашу кровь?!»
За свою жизнь пусть каются они,
И, сбросив безбожную спесь, просят помощи у Христа,
Которого никогда не признавали, пусть просят помощи у Бога....
«Против наших родных никогда больше не согрешим!»
Лишь на одну-единственную ночь пришлите их сюда...

г. Перемышль, ноябрь
Перевод с венгерского на русский язык Арон Гаал
Корректор Кселена Литвинова

¹ «Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa» – «мои грехи, мои грехи, мои большие грехи» – лат., из католической литургии.